

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.070-080

Л. Г. Ефимова*

Понятие и виды цифровых валют в контексте доктринальных споров

Аннотация. В российской доктрине существует спор, возможны ли обязательства и какие у оператора информационной системы по отношению к обладателю цифровой валюты. Исследователи спорят, является ли криптовалюта разновидностью цифровой валюты или это разные объекты. В статье даны анализ легальной дефиниции цифровой валюты и сравнение этого определения с доктринальным понятием криптовалюты. В результате сделан вывод, что российский законодатель предложил максимально широкое определение цифровой валюты, которая может быть выпущена как в открытом (публичном, децентрализованном), так и в закрытом (частном, централизованном) распределенном реестре, а также вообще вне распределенного реестра, с использованием иных сетевых технологий. Криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, которая выпущена в децентрализованном распределенном реестре. Чтобы цифровые объекты могли именоваться цифровой валютой, эмитент цифровых объектов не должен иметь каких-либо обязанностей перед их обладателями, которые прямо не связаны с организацией и функционированием самой информационной системы. Однако оператор и узлы информационной системы могут принимать на себя обязанности перед обладателями цифровой валюты по поддержанию функционирования информационной системы в надлежащем состоянии, по обеспечению порядка майнинга цифровой валюты и по внесению соответствующих записей в информационную систему. Поскольку криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, допустимо распространить на криптовалюту все правила, которые предусмотрены в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ для цифровой валюты, что удобно и соответствует позиции законодателя.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровая валюта; виртуальная валюта; цифровые финансовые активы; оператор информационной системы; виды цифровых валют; правовой режим цифровой валюты; правовой режим криптовалюты; обязательство эмитента; майнинг

Для цитирования: Ефимова Л. Г. Понятие и виды цифровых валют в контексте доктринальных споров // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 70–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.070-080

© Ефимова Л. Г., 2026

* Ефимова Людмила Георгиевна, заведующий кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); кафедра финансовых сделок и новых технологий в праве Российской школы частного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ludmilaefimova007@gmail.com

The Concept and Types of Digital Currencies in the Context of Doctrinal Debates

Lyudmila G. Efimova, Head of the Department of Banking Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Department of Financial Transactions and New Technologies in Law, Russian School of Private Law, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev (PLRC), Moscow, Russian Federation
ludmilaefimova007@gmail.com

Abstract. Russian legal scholarship remains divided over the issue whether obligations may arise, and if so, what obligations an information system operator may owe to a holder of digital currency. Scholars also debate whether cryptocurrency constitutes a type of digital currency or whether the two are distinct legal objects. The study analyzes the statutory definition of digital currency and compares it with the doctrinal concept of cryptocurrency. The author concludes that the Russian legislature has adopted a broad definition of digital currency, which may be issued through an open (public, decentralized) or closed (private, centralized) distributed ledger, or independently of a distributed ledger through other network technologies. Cryptocurrency constitutes a type of digital currency issued on a decentralized distributed ledger. For digital objects to qualify as digital currency, their issuer must not have obligations towards their holders other than those directly related to the organization and operation of the information system itself. At the same time, an information system operator and the system's nodes may assume obligations towards digital-currency holders to maintain the proper functioning of the information system, ensure the orderly conduct of digital-currency mining, and make the relevant entries in the information system. Since cryptocurrency is a type of digital currency, all rules established for digital currency under Federal Law No. 259-FZ dated 31 July 2020 may appropriately be extended to cryptocurrency, which is both practical and consistent with the legislature's approach.

Keywords: cryptocurrency; digital currency; virtual currency; digital financial assets; information system operator; types of digital currencies; legal regime of digital currency; legal regime of cryptocurrency; issuer's obligation; mining

Cite as: Efimova LG. The Concept and Types of Digital Currencies in the Context of Doctrinal Debates. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):70-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.070-080

Вследствие цифровизации экономики России, которая приняла черты масштабной технической революции, в гражданском обороте появились новые технические решения, оборот которых необходимо было законодательно урегулировать. Одним из таких объектов стала криптовалюта, а затем — цифровая валюта. Однако цифровая валюта — новое техническое решение, а законы пишут юристы, которым вначале необходимо понять сущность этой технической инновации. Поскольку многие юристы стали рассматривать цифровую валюту, представляющую собой многоаспектное явление, с разных сторон — на сегодняшний день накопилось много разнородных, даже взаимоисключающих точек зрения, обобщение и примирение которых являются целью написания настоящей работы.

Доктринальные споры затрагивают все традиционные проблемы — понятие, правовую природу и правовой режим криптовалюты и цифровой валюты.

Определение цифровой валюты появилось в российском законодательстве благодаря Федеральному закону от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА). Такая же дефиниция с небольшими редакционными изменениями теперь содержится в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах»¹ (далее — Закон о цифровых правах).

В пункте 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах представлено определение цифровой валюты,

¹ СПС «КонсультантПлюс».

которое, как и в Законе о ЦФА, носит в большей степени технический характер, но которое вызвало большинство доктринальных споров у российских правоведов.

Следует отметить, что определения цифровой валюты в Законе о цифровых правах и в Законе о ЦФА практически не различаются.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах цифровой валютой признается имущество, которое представлено совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которое предлагается и (или) может быть принято в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которого отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем такого имущества, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Из указанного определения следует, что цифровой валютой называется только такое имущество, которое отвечает следующим признакам:

- 1) должно представлять собой совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение);
- 2) должно содержаться в информационной системе;
- 3) может использоваться как средство платежа или объект инвестиций;
- 4) не должно являться денежной единицей Российской Федерации, а также денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей;
- 5) обладателям цифровой валюты не должны противостоять обязанные перед ними лица,
- 6) однако могут быть обязанные лица в виде оператора и (или) узлов информационной си-

стемы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Поскольку определения цифровой валюты по Закону о ЦФА и по Закону о цифровых правах практически не различаются, то указанные признаки полностью применимы и к понятию цифровой валюты, которое было сформулировано в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, за исключением правила о признании цифровой валюты имуществом. Последнее было включено в определение цифровой валюты в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах с учетом судебной практики².

Вышеперечисленные признаки цифровой валюты выделяются практически в любой работе, посвященной указанному цифровому объекту.

Поэтому представляется обоснованным остановиться на двух самых спорных признаках, которые до сих пор вызывают дискуссии, а также формируют различные подходы к определению понятия и видов этого объекта.

Анализируя приведенное легальное определение цифровой валюты, можно обнаружить следующее, на первый взгляд, противоречивое требование законодателя. С одной стороны, по отношению к цифровой валюте должно отсутствовать «лицо, обязанное перед каждым обладателем такого имущества» (признак № 5 — основной). С другой стороны, обязанными лицами могут быть оператор и (или) узлы информационной системы, которые обязаны только «обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» (признак № 6 — факультативный).

На первый взгляд, оба признака являются взаимно противоречивыми: обязанного лица не должно быть, но всё же оно может появиться в указанных в норме случаях, которые можно обнаружить при совершении записей о транзакциях на адресах — идентификаторах пользователей этой системы. Однако представляется, что

² См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017.

это противоречие мнимое и оба признака одинаково важны для понимания того, чем является цифровая валюта с точки зрения российского законодателя. Думается также, что оба этих правила необходимо применять одновременно, что будет показано ниже.

Не все исследователи согласились с таким подходом. Некоторые авторы сделали вывод, что из-за противоречивости легального определения допустимо использовать только один признак цифровой валюты. Так, по мнению одного из исследователей, который проанализировал дефиницию цифровой валюты, сформулированную в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, «цифровая валюта создается и обращается в информационной системе, где существуют операторы и (или) узлы, обязанные обеспечивать соответствие правилам этой системы порядка выпуска, а также действий по внесению и изменению записей в систему»³. Указанный автор пишет, что лица, имеющие обязательства перед обладателями таких электронных данных, будут всегда, ведь всегда найдутся «операторы информационной системы или узлы», которые будут проводить «выпуск этих электронных данных и осуществлять действия по внесению (изменению) записей в такую информационную систему в соответствии с ее правилами»⁴. Соответственно, был сделан вывод, что термины «цифровая валюта» и «криптовалюта» обозначают разные цифровые объекты.

Аналогичное мнение, но с иной аргументацией высказано другими исследователями. Так, автор пишет: «Изначально при выпуске цифровой валюты и ее последующем гражданском обороте складываются два вида относительных правоотношений: отношения между оператором информационной системы и обладателем цифровой валюты... отношения в рамках заклю-

чаемых договоров между кредитором и должником в процессе гражданского оборота (будь то купля-продажа цифровой валюты или инвестиционный договор). В последнем случае у нас всегда есть обязанное лицо, которое должно совершить действия, направленные на исполнение предмета договора. Иными словами, мы говорим об обязательстве и обязанном лице. Есть обязанное лицо в первом упомянутом нами виде правоотношений, о чем нам прямо говорит сам законодатель (ч. 3 ст. 2 ФЗ «О цифровых финансовых активах»). А это свидетельствует о том, что как минимум (об этом мы уже упомянули выше) имущественное право требования в содержании цифровой валюты присутствует»⁵. Исходя из приведенной аргументации, автор не только предложил рассматривать криптовалюту и цифровую валюту как разные объекты права, но также обосновал их систематизацию, сделав вывод, что они являются подвидами другого родового объекта, который можно обозначить как виртуальную валюту⁶. Точка зрения о необходимости классифицировать все цифровые объекты на цифровые и виртуальные была высказана в литературе⁷.

Если предположить, что при выпуске и обращении цифровой валюты обязанные лица, действительно, будут всегда, непонятно, зачем законодатель вообще указал в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, а также подтвердил в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах, что обязанных лиц не должно быть вообще (основной признак). В связи с этим могут быть высказаны предположения, что противоречивость редакции Закона о ЦФА и Закона о цифровых правах является следствием недостатков юридической техники.

Впрочем, в литературе появилась другая точка зрения, авторы которой попытались предложить иное объяснение вышеуказанному про-

³ Новоселова Л. А. Парадоксы регулирования криптовалют: в поисках решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4. С. 28.

⁴ Новоселова Л. А. Указ. соч.

⁵ Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2. С. 284.

⁶ Дерюгина Т. В. Указ. соч. С. 278.

⁷ Тумаков А. В. Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 30–38.

тиворечию. Так, согласно мнению некоторых ученых, обязанности оператора перед обладателями электронных данных бывают разными. Как указано в литературе, «по своей природе такая обязанность не устанавливает для управомоченного лица ни притязания на исполнение, ни права на возмещение убытков в случае их нарушения»⁸. Соответственно, автор предположил, что «основание возникновения обязанности оператора или узла информационной системы появляется в связи с их действиями, связанными с осуществлением выпуска цифровой валюты»⁹.

Таким образом, рассматриваемое противоречие является мнимым, поскольку основной признак цифровой валюты (отсутствие обязанных лиц) и исключение из него (могут быть обязанные лица) касаются двух разных обязательств.

Основной признак цифровой валюты — у обладателя электронных данных нет и не может быть никаких притязаний к третьему лицу на совершение какого-либо действия, вытекающего из цифровой валюты, а следовательно, никаких прав на привлечение третьего лица к ответственности, тем более что самого третьего лица может вообще не оказаться в некоторых случаях.

Указанный признак был связан со взглядом российского законодателя на правовую природу цифровой валюты, которая не является способом удостоверения обязательственного права (требования), в отличие, например, от некоторых цифровых финансовых активов (ЦФА).

Закключение о том, что криптовалюты не могут являться правами (требованиями) обя-

зательственного характера, поскольку в отношении них нет обязанного лица, было сделано в литературе достаточно давно¹⁰ со ссылкой на выводы Федеральной службы Швейцарии по надзору на финансовых рынках (Autorité fédérale de surveillance des marchés financiers, FINMA).

В свое время FINMA указала, что криптовалюта не дает никаких прав против эмитента¹¹. Объяснение для такого вывода непосредственно вытекает из технологических особенностей майнинга криптовалюты на публичном блокчейне. У такой криптовалюты отсутствует не только оператор информационной системы, но и эмитент, являющийся субъектом права. Выпуск криптовалюты на публичном блокчейне осуществляется средствами компьютерной техники непосредственно внутри информационной системы с использованием алгоритмов соответствующего программного обеспечения.

В отчете Федерального совета Швейцарии¹² указано, что виртуальные валюты могут быть выпущены и контролируются сетью компьютеров¹³. Поэтому у владельцев криптовалюты нет и не может быть никакого обязанного лица, долг которого вытекает из обладания криптовалютой, а истинными криптовалютами можно считать только выпущенные на публичном блокчейне.

Указанное мнение FINMA получило поддержку у современных специалистов, в том числе в Российской Федерации, и даже нашло отражение в пятом признаке цифровой валюты (п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах, ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА), который был приведен выше.

Впрочем, очевидно, что аналогичные цифровые объекты могут быть выпущены в закры-

⁸ *Ионцев М. А.* Пределы явно выраженного запрета на совершение сделок, предметом которых являются цифровые валюты // Государственная служба. 2024. Т. 26. № 4. С. 94.

⁹ *Ионцев М. А.* Указ. соч.

¹⁰ *Ефимова Л. Г.* Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.

¹¹ Guide pratique pour les questions d'assujettissement concernant les initial coin offerings (ICO). Edition du 16 février 2018. P. 3 // URL: <https://www.finma.ch/fr/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf?la=fr>.

¹² Federal Council report on virtual currencies in response to the Schwaab (13.3687) and Weibel (13.4070) postulates // URL: <https://perma.cc/7VAB-FNBJ>.

¹³ Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. М. : Проспект, 2021. С. 14–15.

той информационной системе, в которой есть центральный оператор и конкретный эмитент. Поэтому мало сказать, что криптовалютой считается только тот цифровой объект, который выпущен в открытой информационной системе (или на публичном блокчейне). Необходимо было как-то назвать и классифицировать аналогичные цифровые объекты, которые выпущены в закрытой информационной системе (или на частном блокчейне), а также определить их экономическую и правовую природу. По мнению FINMA, такие цифровые объекты не являются настоящими криптовалютами, а представляют собой иные формы денег.

Для иллюстрации своей позиции швейцарский регулятор опубликовал следующий пример из своей надзорной практики в пресс-релизе от 19.09.2017. Речь шла о майнинге криптовалюты, который осуществляла Ассоциация QUID PRO QUO. Этот эмитент выпускал свою криптовалюту — E-Coins. Выпуск выполнялся на специально созданной интернет-платформе, которая также использовалась для торговли и осуществления платежей с помощью рассматриваемых цифровых монет. Через три года деятельности указанная интернет-платформа уже объединяла несколько сотен пользователей, а общая сумма производимых ими транзакций достигла 4 млн франков. Операторами указанной интернет-платформы, помимо Ассоциации QUID PRO QUO, являлись еще два юридических лица, которые управляли выпущенной криптовалютой на многочисленных виртуальных счетах.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, FINMA сделала вывод, что операторы E-Coins фактически занимались незаконной банковской деятельностью, поскольку нарушали законодательство о финансовых рынках.

По мнению FINMA, E-Coin не является настоящей криптовалютой, поскольку все операции с указанными цифровыми объектами контролировались операторами информационной системы¹⁴.

Таким образом, с точки зрения швейцарского регулятора финансового рынка, под настоящей криптовалютой следует понимать такой цифровой актив, который существует в виде цифрового кода, не имеет физической формы, может использоваться в качестве средства платежа, выпускается и хранится децентрализованно, с использованием технологии распределенного реестра¹⁵.

Факультативный признак цифровой валюты был использован российским законодателем, чтобы показать, что оператор информационной системы (если он есть) должен следить за исправной работой распределенного реестра и решать иные технические задачи. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах оператор информационной системы и узлы этой системы должны «обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам». Обязанность по надлежащему выполнению указанных действий возникает перед каждым обладателем цифровой валюты, проводящим транзакции в информационной системе¹⁶.

Наличие факультативного признака цифровой валюты не порочит основного правила: даже если имеется оператор информационной системы, иные узлы, которые обеспечивают ее функционирование в техническом смысле, то они всё равно не будут нести никаких обязательств перед владельцами цифровой валюты

¹⁴ La FINMA retire du marché des fournisseurs de monnaie virtuelle et met en garde contre les pseudo-cryptomonnaies : communiqué de presse // URL: https://www.finma.ch/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/8news/medienmitteilungen/2017/09/20170919-mm-coin-anbieter_de.pdf?sc_lang=fr.

¹⁵ Цифровое право в банковской деятельности. С. 14–15.

¹⁶ Такой подход соответствует легальному определению оператора информационной системы. Так, согласно п. 12 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» оператор информационной системы — гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных.

по осуществлению расчетов этой валютой, поскольку пользователи распределенного реестра могут сделать всё самостоятельно.

Кроме того, оператор информационной системы или иные узлы *не несут никаких иных обязательств из цифровой валюты в отличие, например, от цифровых финансовых активов*, в результате приобретения которых владельцы получают различные права по отношению к их эмитенту (обязательственные, корпоративные, иные). *В этом смысле эмитент ЦФА будет тем самым обязанным лицом, которого не должно быть в информационных системах по выпуску цифровых валют согласно позиции российского законодателя.*

Анализ противоречий в позициях российского законодателя и FINMA представляет интерес только потому, что в свое время FINMA первой из мировых регуляторов обнаружила различия в понятии и природе криптовалют, выпущенных в открытом (публичном, децентрализованном) и закрытом (частном, централизованном) реестрах. Соответственно, открытый распределенный реестр не имеет центрального провайдера (иначе — оператора информационной системы), а у закрытого такой оператор есть. Это позволит лучше понять позицию российского законодателя, выявить противоречия и, возможно, исправить несоответствия.

Согласно позиции FINMA, истинные криптовалюты должны выпускаться только в открытом (публичном) распределенном реестре, в котором нет центрального провайдера и не может быть эмитента криптовалюты. В этом случае криптовалюта будет выпускаться платформой на основе соответствующего протокола без участия человека с применением консенсуса соответствующего вида, порядок выполнения которого также контролируется протоколом. Соответственно, при такой позиции всегда должно отсутствовать какое-либо лицо, непосредственно обязанное перед обладателями электронных данных как в части майнинга криптовалюты, так и в части каких-либо иных обязательств, непосредственно вытекающих из самой

криптовалюты. Такая криптовалюта может быть выпущена только в открытом (публичном, децентрализованном) распределенном реестре. Одной из особенностей криптовалюты является ее выпуск вне единого эмиссионного центра¹⁷.

Согласно позиции российского законодателя, для квалификации цифрового объекта в качестве цифровой валюты принципиально важно, чтобы отсутствовало лицо, обязанное перед обладателями электронных данных, если такая обязанность вытекает непосредственно из самих криптовалют. Этим обязанным лицом может быть только эмитент данного цифрового объекта. Получается, если такие обязательства эмитента будут установлены в конкретном случае, то цифровой объект уже будет именоваться не цифровой валютой, а, скорее всего, цифровым финансовым активом — цифровой «ценной бумагой» или чем-то вроде этого.

В отличие от швейцарского регулятора российский законодатель допускает возможность появления лиц, обязанных перед обладателями электронных данных осуществлять техническое обслуживание цифровой платформы по выпуску цифровой валюты, включая ее майнинг. *Однако указанные обязанные лица могут и отсутствовать, ведь они являются только исключением из общего правила об отсутствии каких-либо обязанных лиц. Термин «исключение» предполагает, что описанная им ситуация должна проявляться не во всех случаях, иначе исключение станет правилом.*

Следует согласиться также с выводом некоторых исследователей понятия «цифровая валюта» о том, что согласно легальному определению ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА (аналогично — п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах) выпуск цифровой валюты может осуществляться также вне распределенного реестра. В литературе указано, что «в части 3 статьи 1 ФЗ “О цифровых финансовых активах” отсутствует указание на использование в процессе гражданского оборота цифровой валюты распределенного реестра (курсив мой. — Л. Е.) (как это сделано, к примеру, для цифровых финансовых активов). <...> Полагаем,

¹⁷ Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. 2021. № 4. С. 3–8.

что в случае цифровой валюты российский законодатель расширяет возможности ее использования в процессе гражданского оборота, не ограничиваясь распределенным реестром, а допуская использование иных сетевых архитектур, а также других технологий, направленных на регистрацию прав в цифровой среде»¹⁸.

На основании изложенного обоснован вывод, что согласно Закону о цифровых правах и Закону о ЦФА цифровая валюта может быть выпущена как в открытом (публичном, децентрализованном), так и в закрытом (частном, централизованном) распределенном реестре, а также вообще вне распределенного реестра, с использованием иных сетевых технологий.

Отсюда следует, что российское законодательство предложило более широкое определение рассматриваемого цифрового объекта по сравнению с дефиницией категории «криптовалюта», которая следует из вышеуказанных актов FINMA. Следовательно, понятие «криптовалюта» поглощается понятием «цифровая валюта» в смысле Закона о цифровых правах и Закона о ЦФА. Понятие «цифровая валюта» шире понятия «криптовалюта»¹⁹.

Таким образом, можно не согласиться с позицией тех исследователей, которые придерживаются узкого понятия «цифровая валюта», утверждая, что «классические криптовалюты под это определение [цифровой валюты] не попадают, поскольку они создаются в децентрализованных системах, где отсутствуют операторы или узлы, юридически отвечающие за поддержание системы»²⁰.

Руководствуясь широкой концепцией «цифровая валюта», полагаем, что криптовалютой должна считаться только та цифровая валюта, которая выпущена в децентрализованном распределенном реестре (в открытой информационной системе)²¹. Поэтому классические криптовалюты, такие как Bitcoin, Ethereum, которые выпущены в децентрализованном реестре, тоже могут считаться разновидностями цифровой валюты в смысле Закона о ЦФА.

Впрочем, кроме указанных истинных криптовалют могут быть выпущены иные разновидности цифровых валют, в том числе в централизованном распределенном реестре, а также без его использования.

Тем не менее понятие «цифровая валюта», которое содержится в Законе о ЦФА и в Законе о цифровых правах, всё же не охватывает всех возможных разновидностей цифровых ценностей, сходных с цифровыми валютами, которые появились на практике. Например, до сих пор остается дискуссионным вопрос, допустимо ли стейблкоины признавать цифровыми валютами²². Эта проблема не решена даже после принятия Закона о цифровых правах, поскольку признаки цифровой валюты практически не изменились. Дело в том, что в отличие от традиционной цифровой валюты эмитент стейблкоинов имеет обязательства перед обладателями этой валюты, вытекающие из эмиссии стейблкоинов. Выпуская стейблкоины, эмитент фактически обязывается поддерживать стабильность их курса²³. Наиболее известным стейблкоином является USDT (United States Dollar Tether) — стейблкоин

¹⁸ Дерюгина Т. В. Указ. соч. С. 278.

¹⁹ Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–113.

²⁰ Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 28.

²¹ У криптовалюты должны быть также другие признаки, например применение асимметричного криптографического шифрования.

²² Конституционный Суд РФ в постановлении от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» не смог дать однозначного ответа на вопрос, являются ли стейблкоины (включая USDT) цифровой валютой в значении Закона о ЦФА.

²³ Чтобы выполнить эту обязанность, эмитент вынужден держать в резерве реальные активы (фиатные деньги, ценные бумаги, товары, другие криптовалюты и т.п.) в эквиваленте выпущенных стейблкоинов.

компании Tether, привязанный к доллару США в соотношении 1:1 и обеспеченный резервами²⁴. Таким образом, наличие обязательств у эмитента стейблкоинов перед их владельцами исключает признание стейблкоинов разновидностью цифровой валюты в смысле п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах. Стейблкоины следует рассматривать в качестве самостоятельного объекта цифрового имущества.

Правовой режим майнинга и оборота криптовалюты. Несмотря на высказанное выше несогласие с позицией авторов, которые отстаивают узкое понятие «цифровая валюта», полагаем: наши оппоненты правильно подметили, что существуют разные виды цифровых объектов, в отношении которых необходимо определиться не только с их названием, но и с правовым режимом, независимо от того, выпущены ли они в децентрализованном или централизованном распределенном реестре.

Квалификация криптовалюты в качестве разновидности цифровой валюты достаточно удобна. Она позволяет сделать вывод, что криптовалюта имеет ту же экономическую природу, что и цифровая валюта. Она может быть принята в качестве платежного средства, что вытекает из легального определения цифро-

вой валюты, сформулированного в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах, а также в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, т.е. является *частными деньгами*²⁵. Однако (и это главное!) правовой режим цифровой валюты, предусмотренный Законом о цифровых правах (Законом о ЦФА), будет распространяться также на оборот криптовалюты, а майнинг криптовалюты будет регулироваться этим Законом.

Если придерживаться узкой концепции цифровой валюты, то частными деньгами придется признавать только те электронные данные, которые выпущены в централизованном распределенном реестре.

Впрочем, вновь возникнет вопрос, является ли криптовалюта деньгами, и для многих исследователей вероятным будет отрицательный ответ²⁶.

Важнее другое — в случае признания криптовалюты и цифровой валюты разными объектами на оборот криптовалюты не будет распространяться правовой режим, который предусмотрен Законом о цифровых правах (Законом о ЦФА) для оборота цифровой валюты, включая применение ограничений. Это будет означать, что майнинг криптовалюты (в отличие от цифровой валюты) не будет регулироваться указанным

Однако технически стабильность курса стейблкоинов поддерживаются алгоритмически, поскольку специальные смарт-контракты регулируют предложение токенов. Если цена растет выше целевого уровня, то система выпускает новые токены, чтобы снизить цену стейблкоинов. Если цена падает, то смарт-контракт блокирует часть «монет», чтобы поднять их стоимость.

²⁴ URL: https://zakon.ru/blog/2026/05/23/sraschivaem_icp_s_cv_zakonoproekt_o_regulirovanii_kriptovalyutnogo_rynka_v_shage_ot_luchshej_v_mire_.

²⁵ Такой вывод является принципиальной позицией автора, который, однако, признает его спорный характер. Другие исследователи, отрицающие денежную природу криптовалюты, рассматривают слово «деньги» как синоним термина «законное платежное средство». Далее делается вывод, что поскольку криптовалюта не является законным средством платежа, то ее нельзя считать деньгами. По мнению автора, деньги — это экономическое отношение. Поэтому понятие «деньги» должны определять экономисты, а юристы обязаны принять их решение, каким бы оно ни было. Современная экономическая литература выводит понятие денег из тех функций, которые они выполняют. Согласно указанной функциональной теории, в качестве денег может использоваться всё, что признается людьми за деньги и выполняет их функции. Следовательно, точка зрения о том, что цифровая валюта, в том числе криптовалюта, не является деньгами, поскольку она не признана государством в качестве законного платежного средства, необоснованна. Более подробно см.: *Ефимова Л. Г.* Денежные обязательства и финансовые сделки : учебник для магистратуры. М. : Проспект, 2022. С. 10–13, 32–38.

²⁶ См., например: *Хоменко Е. Г.* Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 100.

Законом, а использование криптовалюты в качестве платежного средства будет осуществляться совершенно свободно как резидентами, так и нерезидентами Российской Федерации и т.п.

Вряд ли такой результат предполагал законодатель при разработке Закона о ЦФА и Закона о цифровых правах. Указанные последствия косвенно подтверждают ранее сделанный вывод: в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА и в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах предусмотрено достаточно широкое понятие цифровой валюты, включающее также криптовалюту, на майнинг и оборот которой распространяется общий правовой режим.

На основании изложенного обоснованы следующие выводы.

1. В части 3 ст. 1 Закона о ЦФА и в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах российский законодатель предложил достаточно широкое определение цифровой валюты, которая может быть выпущена как в открытом (публичном, децентрализованном), так и в закрытом (частном, централизованном) распределенном реестре, а также вообще вне распределенного реестра с использованием иных сетевых технологий.

2. С учетом указанного широкого определения цифровой валюты можно сделать вывод, что криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, которая выпущена в децентрализованном распределенном реестре. Однако кроме криптовалют могут быть выпущены иные разновидности цифровых валют, в том числе в централизованном распределенном реестре, а также без его использования. С учетом высказанной позиции конструирование родового понятия «виртуальная валюта» нецелесообразно.

3. Правило ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА и п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах о том, что по

отношению к цифровой валюте должно отсутствовать лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, но может существовать обязательство оператора и (или) узлов информационной системы по обеспечению порядка выпуска и осуществления действий по внесению (изменению) записей в информационную систему, касается двух разных обязательств.

Чтобы цифровой объект мог именоваться цифровой валютой, у эмитента этих цифровых объектов (если он имеется) не должно быть каких-либо обязанностей перед обладателями цифровых объектов, которые прямо не связаны с организацией и функционированием самой информационной системы. В противном случае эти цифровые объекты будут называться цифровыми финансовыми активами.

Впрочем, оператор информационной системы (если он имеется) и узлы системы могут принимать на себя обязанности перед обладателями цифровой валюты по поддержанию функционирования информационной системы в надлежащем состоянии и по внесению соответствующих записей в информационную систему.

4. Поскольку криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, допустимо распространить на криптовалюту все правила, которые предусмотрены в Законе о цифровых правах для цифровой валюты. Такой подход позволяет сделать вывод, что криптовалюта имеет ту же экономическую природу, что и цифровая валюта. Она может быть принята в качестве средства платежа, т.е. является частными деньгами. Правовой режим цифровой валюты, предусмотренный Законом о ЦФА, будет распространяться на оборот криптовалюты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2024. — Вып. 2. — С. 274–288.
2. Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. — 2019. — № 4. — С. 17–25.
3. Ионцев М. А. Пределы явно выраженного запрета на совершение сделок, предметом которых являются цифровые валюты // Государственная служба. — 2024. — № 4. — С. 83–99. — DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-4-83-99.

4. Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. — 2021. — № 4. — С. 3–8.
5. Новоселова Л. А. Парадоксы регулирования криптовалют: в поисках решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. — № 4. — С. 23–31. — URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.128.4.023-031>.
6. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 103–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113.
7. Тумаков А. В. Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 7. — С. 30–38. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038.
8. Хоменко Е. Г. Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 10. — С. 97–103.
9. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М. : Проспект, 2021. — 416 с.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Deryugina T. V. Problemy opredeleniya pravovoy prirody tsifrovoy valyuty // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2024. — Vyp. 2. — S. 274–288.
2. Efimova L. G. Kriptovalyuty kak obekt grazhdanskogo prava // Khozyaystvo i pravo. — 2019. — № 4. — S. 17–25.
3. Iontsev M. A. Predely yavno vyrazhennogo zapreta na sovershenie sdelok, predmetom kotorykh yavlyayutsya tsifrovye valyuty // Gosudarstvennaya sluzhba. — 2024. — № 4. — S. 83–99. — DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-4-83-99.
4. Kuchеров I. I. Otdelnye voprosy finansovo-pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki: tsifrovaya valyuta // Finansovoe pravo. — 2021. — № 4. — S. 3–8.
5. Novoselova L. A. Paradoksy regulirovaniya kriptovalyut: v poiskakh resheniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2025. — № 4. — S. 23–31. — URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.128.4.023-031>.
6. Sitnik A. A. Tsifrovye valyuty: problemy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — Т. 15. — № 11. — S. 103–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113.
7. Tumakov A. V. Tsifrovye i virtualnye obekty sovremennogo grazhdanskogo oborota: k voprosu o razgranichenii ponyatiy // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 7. — S. 30–38. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038.
8. Khomenko E. G. Vozmozhnosti ispolzovaniya kriptovalyuty v bankovskoy deyatel'nosti: pravovoy aspekt // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2018. — № 10. — S. 97–103.
9. Tsifrovoe pravo v bankovskoy deyatel'nosti: sravnitel'no-pravovoy aspekt: monografiya / отв. red. L. G. Efimova. — М.: Проспект, 2021. — 416 с.